

Краснякова Юлия Игоревна
Ассистент кафедры истории Отечества
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет», аспирант
г. Луганск, ЛНР

ТВОРЧЕСТВО А.И. КУПРИНА В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ДОНБАССА XIX в.

В середине 90-х годов в творчество Куприна властно входит новая тема, подсказанная временем. Весной он едет корреспондентом газеты в Донецкий бассейн, где знакомится с условиями труда и быта рабочих. В 1896 г. он пишет большую повесть "Молох". Здесь он значительнее и глубже, чем его предшественники /Чехов/, отразил противоречия между трудом и капиталом. В повести дана картина жизни крупного завода, показан быт рабочих поселков, стихийные протесты рабочих. Писатель показал все это через восприятие интеллигента инженера Боброва, который болезненно и остро реагирует на социальную несправедливость. Герой сравнивает капиталистический прогресс, создающий фабрики и заводы, с чудовищным идолом Молохом, требующим человеческих жертв.

В момент стихийной вспышки протеста герой стремится взорвать заводские котлы и тем отомстить за свои и чужие страдания. Но потом угасает решимость, и он отказывается от мести ненавистному Молоху. Новое в ней связано с вниманием автора к классовым конфликтам, к завтрашним судьбам народа. Повесть кончается рассказом о стихийном бунте рабочих, поджоге завода, бегстве Квашнина и вызове карателей для расправы с восставшими.

Оноре де Бальзак, об литературных памятниках писал так: «Даже в смысле экономических деталей узнал больше... чем из книг всех специалистов - историков, экономистов, этого периода, вместе взятых».

В произведениях художественной литературы мы находим конкретный материал, как правило, отсутствующий в учебных пособиях,- обстановку и колорит эпохи, меткие характеристики и детали быта, яркие факты и описание облика людей прошлого.

Художественная литература исторического жанра: романы, повести и поэмы, отражающие далекое прошлое человечества является одним из самых эффективных и доступных, используя выражение академика Ю.А. Полякова, „каналов проникновения исторических знаний в широкие массы”.

Отрывки из произведений художественной литературы, используемые на уроках истории, должны в себе содержать:

1. Живое изображение исторических событий, изучение которых предусмотрено школьной программой;
2. Образы исторических деятелей и изображение народных масс;
3. Картинное описание обстановки, в которой разворачиваются события прошлого.

Обращение в художественную литературу полезно в первую очередь своему учителю. Обогащенный её образом, он сможет ярче и конкретнее изложить программный материал, вызвать в сознании слушателей картины прошлого, помочь

созданию у учащихся полных исторических представлений. Речь учителя приобретает большую убедительность и становится более эмоциональной. Так могут быть использованы высказывания литературных персонажей, одним из приемов пропаганды книги, доступной для самостоятельного внеклассного чтения.

подобное использование художественной литературы возможно лишь применительно к опорным фактам, занимающим важное место в школьном курсе истории.

Использование художественной литературы на уроке истории не самоцель, художественный образ вводится не для украшения урока в развлечении учащихся, а лишь в той мере, в какой он помогает познанию исторического прошлого.

литературные произведения являются:

1. Неотъемлемой частью культуры своей эпохи, а значит, сами по себе должны быть объектом и предметом исторического изучения;

2. Специфической формой выражения массового сознания, что тоже, безусловно, требует внимания профессиональных историков;

3. Эффективным инструментом воздействия на общественную ментальность, что опять же предполагает потребность в историческом исследовании.

Литературные произведения, которые самоценны в качестве источника для изучения именно общественных явлений, которые, хотя и преломляясь в сознании писателя, могут быть весьма точно и концентрированно выражены художественными средствами.

Главное для историков в художественной литературе - „дух времени”, психологическая достоверность картины, без познания которой представление о прошлом не будет „живым” и полным. Именно на это свойство художественной литературы обращали внимание те немногие историки, которые поднимали вопрос об ее использовании в качестве исторического источника, как правило, в рамках именно историко-психологических исследований.

Основополагающим принципом исторической психологии, выдвинутым французскими историками школы „Анналов”, является осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени. Этот принцип близок одному из положений ранней философской герменевтики, в частности „психологической герменевтики” В. Дильтея, - идее непосредственного проникновения в историческое прошлое, „оживания” исследователя в изучаемую эпоху, во внутренний мир создателя источника. Такой метод познания духовных явлений получил название психологической реконструкции, то есть восстановления определенных исторических типов поведения, мышления и восприятия.

Во второй половине XIX – начале XX в. Россия испытывала бурный рост экономики, реализуемый преимущественно за счет новой промышленно-технической базы. По всей стране открывалось множество предприятий, начинали формироваться на другой технологической основе первые индустриальные районы добывающей (Донбасс, Баку, Кузбасс).

Большинство крупных центров сегодняшних Донетчины и Луганщины – Донецк, Луганск, Краматорск, Алчевск, Горловка, Енакиево и другие – появились как заводские или рудничные посёлки, где ритм жизни, инфраструктура и отношения между людьми были тесно связаны с градообразующими предприятиями.

В последней трети XIX в. возникли Горловка, Юзовка (ныне – г. Донецк), Енакиево, Макеевка и многие другие заводские и рудничные поселения Донбасса. Они

находились возле крупных залежей угля, но далеко от крупных урбанистических центров. Основную массу жителей этих поселений составляли трудовые мигранты из соседних уездов и губерний. Попытки преодолеть социальные проблемы рабочей среды, присущие индустриальным городам XIX в., были еще одной причиной, побуждавшей предпринимателей строить города за пределами крупных населенных пунктов. Благодаря созданию контролируемых компанией поселений предприниматели надеялись также обезопасить себя от рабочего движения. возникли машиностроительные и коксохимические предприятия. Благосостояние жителей заводских и рудничных посёлков, как и экономический успех дополнительных предприятий, было напрямую связано с успехами градообразующего предприятия.

О людях рабочего класса, о мрачной тяжелой жизни донецких шахтеров рассказывается "В недрах земли".

В жизни населения заводских и рудничных посёлков была пространственная сегрегация, основанная на профессиональной иерархии. Техническая элита – администрация завода и инженеры проживали в районах, оборудованных наилучшим образом, в домах с элементами роскоши. Менее квалифицированные рабочие жили в менее комфортных условиях. Неквалифицированные рабочие нередко прозябали, не имея доступа к элементарным коммунальным услугам. Это отражало технократический принцип устройства общества промышленных моногородов, основанный на профессионализме и служебном ранге.

Многие предприятия выплачивали рабочим зарплату раз в несколько месяцев, но при этом выдавали купоны, которые можно было обменять в лавках на продукты питания и некоторые другие товары первой необходимости по завышенным ценам. Со временем рабочий оказывался опутанным долгами перед лавкой, что прикрепляло его к предприятию.

Особенно упорно боролись предприниматели с пьянством. Набор методов был широк: от радикальных, включая полный запрет продажи и употребления алкоголя в городе, до «мягких», вроде пропаганды Весна 2018 85 здорового образа жизни, культы спорта, организации обществ трезвости. Иногда патернализм мог приобретать почти буквальные формы – например, когда руководитель предприятия становился крестным отцом детей своих работников.

2 июня 1892 г. Закон о рабочем времени установил официальное количество религиозных праздников, в число которых входили: 1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 марта, 8 сентября, 25 и 26 декабря, пятница и суббота Страстной недели, день Вознесения, второй день праздника Сошествия Святого Духа.

Общественная жизнь в городах Донбасса представляла собой сложную и пеструю картину, в которой каждая группа горожан занимала особое место.

Важной частью досуга донских шахтеров в пореформенный период было общение между собой, во время которого они не только обсуждали свои жизненные проблемы, но и развлекали друг друга пересказом различного рода легенд, быличек, сказов и преданий.

В период 1890-х годов на рудниках Дона появляется небольшая прослойка рабочих (в первую очередь, грамотных шахтеров), стремившихся к усвоению досуговых практик, характерных для представителей элитарной городской культуры. Эти рабочие предпочитали в свободное время посещать библиотеки, читальни, а также

народные дома, возникшие в это время при рудниках благодаря усилиям отдельных представителей местной интеллигенции (горных инженеров, рудничных врачей и др).

В то же время среди рабочих постепенно выделилась узкая прослойка «рабочей интеллигенции», представители которой тяготели к формам досуга, характерным для элитарной культуры: посещали устраиваемые горными инженерами народные чтения, театральные постановки, библиотеки и читальни. В

Еще с конца XIX века в литературе действовала мощная традиция изображать Донбасс адовым местом на земле – «Молох», «Юзовский завод», «В огне» А.И. Куприна.

А.И. Куприн в своем очерке «Юзовский завод» так описывает свои впечатления от экскурсии по шахте «Центральная»: «Мы пробыли в шахте всего с полчаса, но нам уже стало невтерпёж. Воздуха было мало, подземная тишина утомила нервы, тупая, безграничная скука сдавливала сильнее и сильнее душу. Чем ближе подходили мы к стволу, тем шире и чаще становились поневоле наши шаги... Грудь дышит сильнее и глубже, сердце бьется нетерпеливо и крепко, как перед любовным свиданием... И вот, ослепляя нам глаза, льется сверху золотой свет... Нет, положительно всех ипохондриков, меланхоликов, неврастеников, всех больных детей XIX столетия я советую докторам отправлять на полчаса в глубокие шахты. Поднявшись наверх, эти бедняки, наверно, горячо обрадуются кусочку зеленой травки, освещенной солнцем».

Пугающий образ металлургического завода, созданный замечательным русским писателем А.И. Куприным в его «Молохе», который наиболее полно выражен в восклицании одного из героев (ему предшествует развернутое описание, отражающее эмоции, которые испытывал автор): «Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови!». Трагедия судеб рабочих показана через призму личного горя главного героя.

Например, улица Куприна названа в честь писателя Александра Ивановича Куприна, который не раз бывал в Юзовке в качестве корреспондента киевской газеты с целью освещения промышленного строительства в регионе. В ходе визитов он спускался в шахту, знакомился с условиями труда и досуга здешних рабочих, посещал Юзовский завод. Итогом его пребывания в наших краях стали очерки «Юзовский завод», «В огне», «В главной шахте», рассказ «В недрах земли», повесть «Молох», в которых он отразил свое впечатление от увиденного.

Труд рабочих характеризуется автором как «тяжкий, упорный, полусуточный», сопряженный с постоянной опасностью для жизни. Почём знать, кому из них уже предначертано судьбою поплатиться на этом труде жизнью: сорваться с высоких лесов, опалиться расплавленным металлом, быть засыпанным щебнем или кирпичом?.

На рубеже XIX–XX веков имя Александра Ивановича Куприна вошло в число самых популярных русских прозаиков, а его творчество на протяжении многих лет является объектом многих исследований.

Как известно, Александр Иванович Куприн любил путешествовать, изучать самые разные уголки Российской империи, жадно впитывал новые впечатления. Так, странствуя по югу России, писатель организует в Киеве атлетическое общество, совершает поездку по шахтам и заводам Донбасса, на Волыни служит управляющим именован, псаломщиком, занимается зубоврачебным делом.

Повесть «Молох» была написана Куприным в 1896 году под впечатлением посещения промышленных районов Донбасса, переживавших период бурного развития. Куприна как писателя, отличавшемуся предельной щепетильностью в

отношении соблюдения художественной достоверности, необходимо было получить материал о новейших изысканиях русской технической мысли: изучить специфику работы в шахтах, понимать условия труда, иметь представление о всех тонкостях заводского производства. Результатом увиденного явилось написание ряда документальных очерков – «Рельсопрокатный завод», «Юзовский завод», «В главной шахте», «В огне».

Название имеет важное значение в понимании и интерпретации идеи произведения. Куприн использует имя легендарного бога Молоха, которому древние аммонитяне приносили в жертву через сожжение живых детей, преимущественно отпрысков знатных семей. Финикийцы также приносили детей в жертву Молоху, в том числе в Карфагене. Детей клали на простертые руки идола, имевшего лицо тельца, внизу горел костёр, вопли заглушались пляской и звуками ритуальной музыки. Молох – это бог солнца, огня и воды, которому приносились человеческие жертвы. Помимо мифологических отсылок, название имеет метафорический смысл, в настоящее время имя в переносном значении стало символом жестокой и неумолимой силы, требующей множества человеческих жертв.

Это не только символ крупного сталелитейного завода, где разворачивается действие, но и всего промышленного прогресса, против которого так бунтует герой. Достаточно выразительна сцена исступления Боброва, когда он высчитывает размер жертв, приносимых техническому прогрессу: «Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови! – кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку. – О, конечно, здесь прогресс, машинный труд, успехи культуры... Но подумайте же, ради бога, – двадцать лет! Двадцать лет человеческой жизни в сутки!.. Клянусь вам, – бывают минуты, когда я чувствую себя убийцей!..».

Приведем лишь одно из таких значимых сравнений: если Молоху приносили невинных младенцев, то в повести в жертву Квашнину приносят невинных дочерей. Становится закономерным, что все герои – «сильные мира сего», промышленные дельцы, – в той или иной степени наделяются чертами языческих божков.

пожар на заводе, когда Квашнин уподобляется зловещему кровавому божку: «На мгновение ему показалось, что это едет вовсе не Квашнин, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, вроде тех идолов восточных культов, под колесницы которых бросаются во время религиозных шествий опьяневшие от экстаза фанатики».

Утонченная натура главного героя, его душевная и физическая болезненность противопоставлены бездушному машинно-механистическому миру, не знающему страданий. Внутренний душевный разлад, который ощущает в себе «нервный» Бобров, чувства нарастающего ужаса и отвращения связаны прежде всего со службой на заводе. Являясь инженером, вынужденным работать на развитие «промышленного прогресса», он ощущает физическое и нравственное отвращение как своей работе, так и в целом ко всему, что связано с эксплуатацией живой рабочей силы. В советском литературоведении при анализе повести исследователи концентрировали свое внимание главным образом на классовых и идеологических воззрениях главного героя. Сущность драмы Боброва они видели в его политической незрелости и инфантильности, в общем – идейной недалекости: не сумел в подчиненных рабочих разглядеть помощников и соратников в борьбе за социальную справедливость.

Первое, что бросается в глаза по прочтении, это актуальность его звучания для нашего времени. Монологи Боброва, его бунт против цивилизации и технизации общества выглядят для читателя очень по-современному, весьма пророчески. Строки, написанные почти 120 лет назад, ошеломляют своей провидческой правдивостью. При этом читателя не столько поражают предсказания насчет технических изобретений («Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст!...»)

«Юзовский завод» (1896) А.И. Куприн написал под впечатлением от поездки на Донбасс. Писатель был ошеломлен увиденным на крупнейших сталелитейном и рельсопрокатном заводах – жизненная основа очерка очевидна. Уже первое предложение текста сочетает в себе черты и журналистики, и художественной литературы, отличаясь особой информативностью.

Герой предстает как респондент, обладающий специфическими знаниями о заводе: «– Не знаете ли вы, сколько приблизительно рабочих занято на Юзовском заводе? – Как вам сказать? В одних шахтах тысячи полторы народу работает, да месячных рабочих тысяч семь, да поденных еще сколько, да от подрядчиков... Тысяча двести подвод пароконных ежедневно работает... Трудно, конечно, с точностью сказать, сколько всего-то народу, однако люди говорят, что тысяч пятнадцать, а то и двадцать будет»– автор-повествователь задает вопросы, на которые получает развернутые ответы, подкрепленные числовыми фактами.

Везде, куда ни глянет глаз, тянутся длинные железные красные крыши разных цехов и под ними целый лес пышущих дымом, паром и искрами, больших и маленьких, толстых и тонких труб. Штабели камня и леса, кучи железных и чугунных кусков, пирамиды песка покрывают землю. У самого основания домен, во всю их длину, нагромождены высокие горы руды. Одни рабочие сваливают ее с вагоноплатформ, другие подносят на носилках, третьи наполняют ею вагонетки подъемной машины. От этой красной руды у рабочих и одежда, и лица, и руки, и локти – красные».

Черты репортажа присущи и описанию работы заводчан: «На площадке над доменной печью работают пять человек. Они быстро вытаскивают вагонетки из ящика, влекут их к устью домны и, переверачивая их, высыпают руду поверх колпака...». Описание изобилует специальными терминами. Это способствует погружению читателя в заводскую действительность, пониманию функций основных механизмов.

В восприятии читателя этот автор прежде всего реалист, в изображении которого окружающая действительность обретает физическую предметность, а событийная хроника передана с высокой степенью фактологической достоверности. Это понуждает говорить о некоей документальности купринской прозы. При этом совершенно неверно возводить наследие писателя к тому типу литературы, который в начале XX века получил определение «литература факта».

У Куприна документальное (то есть реалии, выступающие первоисточником текста и фактологической основой художественного «жизнестроения») никогда не превращается в фактографию. Факт/событие жизни, функционируя в тексте в качестве достоверного свидетельства, адаптирован автором к художественной форме произведения.

феномен А. И. Куприна основан на удивительном сочетании искусства реалиста-бытовика и исследователя глубин человеческой души. Присуще писательское

«честолюбие: знать доподлинно, не из книг, не по слухам, те вещи и факты, о которых он говорит в своих книгах.

Среди известных российских писателей жизни углекопов посвятили свои отдельные литературные произведения В. Вересаев, А. Серафимович, А. Аверченко, А. Куприн, А. Чехов.

А. Куприн поднимает проблемы, связанные с быстрым развитием капитализма в России в цикле очерков о Юзовском заводе, один из которых носит одноименное название «Юзовский завод». Размышления об индустриальном Донбассе находят свое воплощение в повести «Молох». В своем творчестве писатель обращается к теме тяжелого труда рабочих, научнотехнического прогресса, к проблеме эксплуатации.

А. И. Куприн приезжал в Донбасс в 1896 году как репортёр газеты «Киевские ведомости» и лично видел нечеловеческий труд шахтёров, металлургов, ремесленников, наблюдал непростые отношения, складывавшиеся между промышленниками и рабочими, стал свидетелем зарождения и становления нового уклада жизни в регионе, который во многом определил вектор его развития. Социокультурный контекст является значимым как для восприятия сюжета, характеров героев, так и погружения в атмосферу Донбасса. Проиллюстрируем эти утверждения на основе анализа рассказа «В недрах земли». В произведении Донбасс изображается через описание его характерных реалий, причём отмечаем интересный приём автора: прекрасная, идиллическая природа края противопоставляется ужасающему изображению шахты. Так, наблюдаем восхитительный степной пейзаж: Раннее весеннее утро – прохладное и росистое. В небе ни облачка. Только на востоке, там, откуда сейчас выплывает в огненном зареве солнце, ещё толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые предрассветные тучки. Весь безбрежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью. В густой буйной траве там и сям дрожат, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями, брильянты крупной росы. Степь весело пестреет цветами: ярко желтеет дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами. В утренней прохладе разлит горький, здоровый запах полыни, смешанной с нежным, похожим на миндаль, ароматом повилики. Всё блещет и нежится и радостно тянется к солнцу. Только кое-где в глубоких и узких балках, между крутыми обрывами, поросшими редким кустарником, ещё лежат, напоминая об ушедшей ночи, влажные синеватые тени. Высоко в воздухе, не видные глазу, трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами. На фоне этой умиротворяющей природы выделяется Гололобовская шахта, со своими чёрными заборами и торчащей над ними безобразной вышкой... Длинные красные закопчённые сверху трубы изрыгают, не останавливаясь ни на секунду, клубы чёрного, грязного дыма. Ещё издали слышен частый звон молотов, бьющих по железу, и протяжный грохот цепей, и эти тревожные металлические звуки принимают какой-то суровый, неумолимый характер среди тишины ясного, улыбающегося утра. Как видим, описания двух неотъемлемых составляющих Донбасса – прекрасной природы и промышленного предприятия – насыщены лексикой, ярко характеризующей именно этот край, ср.: степной простор, дрок, колокольчики, полынь, повилика; вышка, трубы, чёрный дым, молоты, железо, грохот цепей и проч. Богаты характерной лексикой и описания труда шахтёров, работы самого предприятия ср.: В галерее идёт кипучая

суета смены. В квадратном отверстии, ведущем в глубь шахты, ходят на цепи, перекинутой высоко над крышей через блок, две железных платформы. В то время когда одна из них подымается, – другая опускается на сотню сажен. Платформа точно чудом выскакивает из-под земли, нагружённая вагонетками с влажным, только что вырванным из недр земли углём. В один миг рабочие стаскивают вагонетки с платформы, ставят их на рельсы и бегом влекут их на шахтенный двор. Пустая платформа тотчас же наполняется людьми. В машинное отделение даётся условный знак электрическим звонком, платформа содрогается и внезапно с страшным грохотом исчезает из глаз, проваливается под землю. Проходит минута, другая, в продолжение которых ничего не слышно, кроме пыхтения машины и лязганья бегущей цепи, и другая платформа, – но уже не с углём, а битком набитая мокрыми, чёрными и дрожащими от холода людьми, вылетает из-под земли, точно выброшенная наверх какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смена людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, как ход огромной машины [5]. Фиксируем наличие большого количества профессионализмов, характеризующих шахтёрский труд. Так, вагонетка – «открытый вагон небольшой вместимости для перевозки грузов, который передвигается по узкоколейным рельсам по территории шахты»; платформа – «транспортное приспособление для подъёма вагонеток с углём или спуска-подъёма людей»; электрический звонок – «механизм, производящий звук частыми ударами молоточка по колоколу» и др.

Куприн пишет портрет завода под впечатлением от поездки в Донбасс. Завод в повести – грандиозен в своих масштабах, огромен и наделен невероятной силой власти. Золя наделяет свою шахту такими же свойствами. Завод и шахта – это символы обогащения – за счет своей силы и громадности они становятся почти непобедимы, не останавливаются и не дают остановиться другим: «Это был настоящий город из красного кирпича, с лесом высоко торчащих в воздухе закопченных труб, – город, весь пропитанный запахом серы и железного угара, оглушаемый вечным несмолкаемым грохотом». «Казалось, какая-то сверхъестественная сила приковала их на всю жизнь к этим разверстым пастям, и они, под страхом ужасной смерти, должны были без устали кормить и кормить ненасытное, прожорливое чудовище».

Шахта и завод – это собирательный образ эксплуататоров. Писатели в надежде на справедливый исход, на счастливый конец пишут о разрушении мест угнетения человека. Завод и шахта на протяжении всего повествования проходят на фоне всех событий, они являются неотъемлемыми и главными персонажами вместе с инженером Бобровым и механиком Лантье. Образы завода и шахты – лейтмотивы произведений, постоянно напоминают о своем присутствии, не давая забыть читателю, что они и есть главные персонажи. Отличие лишь в том, что образ завода преследовал главного героя, поэтому он его ненавидел, отвращал: «С каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение, почти ужас к службе на заводе».

Шахта и завод – это собирательный образ эксплуататоров. Писатели в надежде на справедливый исход, на счастливый конец пишут о разрушении мест угнетения человека. Завод и шахта на протяжении всего повествования проходят на фоне всех событий, они являются неотъемлемыми и главными персонажами вместе с инженером Бобровым и механиком Лантье.

Характерной чертой Донбасса конца XIX века был, безусловно, тяжёлый труд шахтёров, удручающее, практически нищенское положение этих людей, что также

показано в рассказе путём употребления лексики, описывающей рабочих (их быт, одежду, обувь, особенности общения и состояния здоровья), ср.: Сотни две человек толпятся на шахтенном дворе между штабелей, сложенных из крупных кусков блестящего каменного угля. Совершенно чёрные, пропитанные углём, не мытые по целым неделям лица, лохмотья всевозможных цветов и видов, опорки, лапти, сапоги, старые резиновые калоши и просто босые ноги, – всё это перемешалось в пёстрой, суетливой, галдящей массе. В воздухе так и висит изысканно-безобразная бесцельная ругань вперемежку с хриплым смехом и удушливым, судорожным, запойным кашлем.

Таким образом, полноценное восприятие читателем текста, ярко маркированного территориально, невозможно без изучения региональных культурологических феноменов.